

— Эй, малыш, — услышав это, Цинь Цзяньхэ сердито рассмеялся.

Он выключил планшет, и в его обычно спокойных темных глазах появилась едва заметная насмешка.

— Десять лет, — спросил он низким голосом, — ты понимаешь, что такое десять лет?

— Десять лет, — Е Чжицю встретился с ним взглядом, его голос был тверд, — я знаю.

Когда Е Чжицю впервые произнес эти два слова, он немного нервничал.

Честно говоря, ситуация с Цзян Нанем не имела прямого отношения к Цинь Цзяньхэ.

Бизнесмену просто не повезло, что его полюбил такой человек, как Цзян Нань.

Естественно, отказ Цинь Цзяньхэ тоже был ожидаем для Е Чжицю.

Однако юноша не собирался просто так получать его фотографии. Он не был уверен, что сможет помочь Цинь Цзяньхэ, но в качестве благодарности он был готов сделать все возможное, чтобы уберечь его от той ночи, когда Цзян Нань подсыпал ему наркотики.

В прошлой жизни из-за причастности Цинь Цзяньхэ эта история стала достоянием общественности. Вдобавок ко всему, последующие события и их развитие поддерживали интерес к ней очень долгое время. Долгое время все сайты были заполнены соответствующими новостями.

А позже СМИ на торжественном вечере Мэн Цинъяня сфотографировали руку Цинь Цзяньхэ, которую он сам проткнул, — на тыльной стороне ладони остался очень уродливый шрам. Е Чжицю считал, что на таких красивых и изящных руках не должно быть такого ужасного шрама. Так же, как и в безупречной жизни Цинь Цзяньхэ не должно было остаться никаких отвратительных следов от такого человека, как Цзян Нань.

Но бизнесмен ошибался, говоря, что не знает, что значат эти два слова — «десять лет».

Десять лет ада, дни тянулись как годы.

Он не только знал, но и понимал это гораздо лучше, чем большинство людей в мире.

— Я прекрасно понимаю, господин Цинь, — снова подчеркнул Е Чжицю.

— Сколько тебе лет? — Цинь Цзяньхэ слегка приподнял уголки губ и небрежно спросил.

— Девятнадцать, — ответил Е Чжицю. — Но я уже давно не ребенок.

Если считать по возрасту из прошлой жизни, он был даже на несколько лет старше Цинь Цзяньхэ.

Цинь Цзяньхэ с улыбкой посмотрел на него, ничего не говоря, лишь многозначительно поднял брови.

Девятнадцать — эта юная цифра говорила сама за себя.

— Господин Цинь, — к удивлению бизнесмена, Е Чжицю, казалось, относился к этому очень серьезно, он говорил с серьезным видом, не отступая ни на шаг, — вам всего лишь двадцать пять, даже если обращаться формально, я должен называть вас «брат», а не «дядя», но вы говорите так, будто вы мой дедушка.

На этот раз Цинь Цзяньхэ действительно рассмеялся. Его темные глаза засияли от смеха, становясь необычайно яркими.

— Извините, — Е Чжицю тоже приподнял уголки губ, — я не хотел вас обидеть, но я действительно знаю, что значат десять лет.

Ребенок перед ним был так настойчив, что Цинь Цзяньхэ ничего больше не сказал.

— Хорошо, десять лет, — сказал он через некоторое время.

Это... он согласился?

Цинь Цзяньхэ действительно согласился?

Глаза Е Чжицю расширились, а розовые губы плотно сжались. Он замер на месте, не двигаясь, словно изысканная большая кукла.

Цинь Цзяньхэ посмотрел на него, и напряженные уголки его губ медленно изогнулись в легкую дугу.

— Что? — спросил он. — Не рад?

— Нет, — Е Чжицю подавил радость, волнение и неверие в своем сердце и воспользовался случаем, чтобы польстить, — я просто поражен вашей решительностью.

Возможно, Цинь Цзяньхэ привык к лести, поэтому никак не отреагировал на его слова. Улыбка

все еще играла на его губах, но глубокие глаза феникса излучали лишь отстраненность.

Е Чжицю не обратил на это внимания, он постарался подавить улыбку на своих губах и тихонько ущипнул себя за ладонь.

Больно.

Он улыбнулся еще шире.

Машина свернула на повороте, и вдаль показались ворота больницы. Только в этот момент Е Чжицю вдруг понял, что не успел подготовить подарок для больного.

— Может, мне стоит купить фруктовую корзину и цветочную корзину или что-то в этом роде?

Он выпрямился и посмотрел в окно.

— Все готово, — сказал Цинь Цзяньхэ, как всегда лаконично.

Машина въехала на территорию больницы и остановилась в подземном гараже. Водитель вышел из машины, достал из багажника изысканную подарочную коробку и передал ее Е Чжицю.

Е Чжицю последовал за Цинь Цзяньхэ в лифте, который поднялся прямо на шестнадцатый этаж, в VIP-зону для высокопоставленных лиц.

На всем этаже было всего десять палат, и Цинь Сюйшэн жил в палате 1606, той, что находилась в конце коридора у окна.

Палата была большой. Снаружи располагалась очень уютная гостиная, просторная и тихая, а внутри палаты два медбрата массировали ноги Цинь Сюйшэну.

Услышав шум, он слегка приоткрыл закрытые глаза. Увидев Цинь Цзяньхэ, снова закрыл их.

Цинь Цзяньхэ взял подарочную коробку из рук Е Чжицю и поставил ее в сторону, не подходя к отцу. Он указал на диван в изножье кровати:

— Присядь, отдохни немного.

Цинь Сюйшэн снова открыл глаза и только тогда понял, что сын на этот раз пришел не один.

Е Чжицю еще не успел поздороваться, как мог он сесть? Увидев, что Цинь Сюйшэн открыл глаза, он послушно подошел:

— Здравствуйте, дядя Цинь, меня зовут Е Чжицю.

— Друг Сяо Юя? — с сомнением и настороженностью спросил Цинь Сюйшэн.

У Цинь Цзяньхэ был очень ограниченный круг друзей, Цинь Сюйшэн знал их всех. Это был первый раз, когда он увидел рядом с сыном незнакомое лицо, да еще и такого красивого молодого человека. Неудивительно, что он насторожился.

— Хе... хе-хе... — Е Чжицю подумал, разве его можно считать другом Цинь Цзяньхэ?

Но раз уж он пришел, то в этот момент он должен был быть другом, даже если это не так. Он как раз собирался кивнуть в знак согласия, как вдруг кто-то схватил его за запястье.

— Это мой парень, — спокойно представил Е Чжицю Цинь Цзяньхэ, обращаясь к Цинь Сюйшэну.

Цинь Сюйшэн: ...

Мутные, налитые кровью глаза Цинь Сюйшэна на мгновение расширились, а затем зрачки сузились. Е Чжицю отчетливо видел, как на его изможденном лице выступили жевательные мышцы — он, должно быть, сильно стиснул зубы. Было очевидно, что его приход не только не был желанным, но и вызвал у мужчины крайнее отвращение.

Е Чжицю не двигался, спокойно стоя рядом с Цинь Цзяньхэ.

— Ты хочешь довести меня до смерти, да? — спросил Цинь Сюйшэн сквозь стиснутые зубы спустя долгое время.

Он смотрел на Цинь Цзяньхэ не как на родного сына, а как на заклятого врага. Е Чжицю слегка растерялся, не ожидая, что Цинь Сюйшэн так разозлится. Неожиданно тот схватил откуда-то апельсин и без лишних слов швырнул его в лицо юноше

Е Чжицю: ...

До прихода сюда он действительно не думал, что все будет так серьезно.

Увидев это, Цинь Цзяньхэ слегка двинулся, закрывая Е Чжицю собой. Апельсин размером с кулак попал ему прямо в плечо, должно быть, было больно.

— Я привел его из вежливости, чтобы ты знал, что я нашел спутника жизни, — сказал он ледяным голосом, — а не для того, чтобы ты его оскорблял и обижал.

— Цинь Цзяньхэ! — раздался яростный крик, и Цинь Сюйшэн прогнал всех оцепеневших от страха медбратьев.

Затем он посмотрел на Е Чжицю:

— Ты тоже выйди, мне нужно поговорить с Цинь Цзяньхэ наедине.

— Нет ничего, что нельзя было бы сказать при нем, — сказал Цинь Цзяньхэ. — В моих делах нет ничего такого, чего он не мог бы услышать.

Е Чжицю: ...

Он действительно не хотел этого слышать. В таком возбужденном состоянии, если Цинь Сюйшэн случайно выдаст какую-нибудь страшную тайну о Цинь Цзяньхэ, ему потом не поздоровится!

Но Цинь Цзяньхэ крепко держал его за запястье, не давая ему пошевелиться.

— Может, мне все-таки выйти? — Е Чжицю с улыбкой поднял глаза, очень нежно. — Вы с дядей Цинь хорошо побеседуйте.

— Не нужно, — Цинь Цзяньхэ опустил глаза и убрал его длинную челку назад. — Ты устал? Хочешь сесть и послушать?

Е Чжицю: ...

Как и ожидалось, у Цинь Сюйшэна от гнева затряслись руки. Он тяжело дышал, и его глаза, полные гнева и ненависти, обратились к Е Чжицю.

— Хочешь послушать? Хорошо, — сказал он, — не пожалеешь потом.

— Я не пожалею, — Е Чжицю по-прежнему был вежлив и послушен. — Я хочу знать все, что касается Юя.

Он улыбнулся:

— Я хочу узнать его получше.

Рука, державшая его руку, слегка сжала ее, горячая ладонь Цинь Цзяньхэ коснулась нежной кожи Е Чжицю.

Глядя на их нежные чувства, Цинь Сюйшэн стиснул зубы и кивнул.

— Хорошо, — обратился Цинь Сюйшэн к Цинь Цзяньхэ. — Чем тебе не угодила дочь твоего дяди У? Она окончила известный зарубежный университет, её семья и наша — вполне себе ровня. Ты нравился девушке, а теперь, чтобы мне насолить, при первой же встрече, даже не разобравшись, вынес ей приговор.

— Ты слишком переоцениваешь своё место в моём сердце, — холодно ответил Цинь Цзяньхэ. — Если она мне не нравится, я должен дать ей это понять, чтобы она могла начать новую жизнь, а не тянуть её за собой...

— Я не ты, — отрезал Цинь Цзяньхэ.

— Хорошо... — Цинь Сюйшэн глубоко вздохнул. Е Чжицю испугался, что старик не выдержит и прямо сейчас отдаст концы.

Обвинений Цинь Сюйшэн выдвинул много, но Е Чжицю подытожил их так: Цинь Цзяньхэ не уважает старших, не создаёт семью, не уважает мачеху, не заботится о младшем брате, обрекая семью Цинь на отсутствие наследников...

Всю дорогу Е Чжицю слушал внимательно, но Цинь Цзяньхэ был рассеян. Он слегка опустил глаза, его мысли витали где-то далеко.

В конце концов Е Чжицю узнал, что Цинь Сюйшэн попал в больницу из-за своего «хорошего сыночка».

— Связываясь с таким бессердечным человеком, ты и правда думаешь, что тебя ждёт счастливый конец? — закончив перечислять все прегрешения, Цинь Сюйшэн захотел пить. Он выпил полчашки холодного чая и, сочетая угрозы с обещаниями, обратился к Е Чжицю: — Если тебе нужны деньги, просто уйди от него, и получишь сколько хочешь.

Тут Цинь Сюйшэн сделал паузу и пристально посмотрел Е Чжицю в глаза.

— Как только ты уйдёшь, мой управляющий сразу же вручит тебе чек.

Предложение было очень заманчивым. Е Чжицю невольно посмотрел на Цинь Цзяньхэ. Цинь Цзяньхэ тоже смотрел на него. На его губах играла улыбка, но чёрные глаза были холодны и бездонны.

Е Чжицю: ...

— Н-нет, так не пойдёт, — поспешно сказал Е Чжицю. — Мы с Юем любим друг друга по-настоящему. Все эти деньги, власть — слишком вульгарно.

Он тихо добавил:

— Любовь — это святое, как можно торговать ею?

— Ха... — Цинь Сюйшен посмотрел на его юное, наивное лицо. — Мальчик, тебе ещё нет восемнадцати?

— Какая разница, есть или нет? — улыбнулся Е Чжицю. — Если любишь, то любишь.

— Ты молод, у тебя ещё нет собственного мнения, ты ослеплён мимолетной страстью, — усмехнулся Цинь Сюйшен. — Твои родители ещё не знают о ваших отношениях? Когда вернёшься домой, спроси их, узнай их мнение. Вы ещё не знаете...

Он повысил голос:

— Насколько жалкой будет старость человека без детей! Я говорю это ради твоего же блага, ради вас обоих.

— У тебя же есть два сына, — неожиданно заговорил Цинь Цзяньхэ. — Один чуть не разрушил Q.L., другой довёл тебя до больницы. Какое право ты имеешь читать другим нотации?

Е Чжицю: ...

Цинь Сюйшен: ...

Глаза Цинь Сюйшена начали закатываться. Е Чжицю испугался, как бы Цинь Цзяньхэ, подобно Чжугэ Ляну, трижды не разгневал Чжоу Юя и не довёл старика до смерти.

— О наших с Юем отношениях я поговорю с родителями, — поспешно сказал Е Чжицю. — Но вы, взрослые, все такие меркантильные. Мои родители помешаны на деньгах, если узнают, кто Юй, точно не будут возражать.

— И ещё, — добавил он, — я понимаю ваше желание понянчить внуков, но Юй любит меня, и мы уже давно решили, что будем только друг у друга, и только друг другу принадлежать. Детей у нас точно не будет.

Он сделал паузу.

— У вас же два сына? Оставьте Юя в покое, пусть твой младший сын, Цинь Вэйань, озаботится вопросом потомства.

<http://bllate.org/book/14243/1258028>